

Петербург, и всемародно, на площа-
ди, пронесли знамя Свого брата Сво-
им Государем. «Что дѣлать—возвра-
щать Государю—онъ рѣшительно отъ
этого отказывается», а онъ—Мой
старший брат! Впрочемъ, будь нако-
нецъ. Намъ вѣсѣ мѣры будутъ прини-
маться. Но если разумъ человѣческій
слабъ, если воля Всевышнаго назна-
чить иначе, и Мѣрѣ нужно погнать,
то у Менѣ—шага стѣмъю: это выѣзда
благородного человека.
И умру съ нимъ въ рукахъ, убѣрен-
ный въ правотѣ и святотѣ Своего
дѣла, и предстану на судъ Божій съ
чистою совѣстью!»—«Ваше Высоче-
ство—сказалъ Ростовцовъ—это лич-
ность. Вы думаете о собственной славѣ
и вѣзвите Россію: что будетъ
съ ней?»—«Можемъ ли мы сомнѣ-
ваться, что любилъ Россію не-
мнѣе Себѣ; но Престолъ праздненъ;
брать Мой отрекается; и единствен-
ный законный наследникъ Россіи
безъ цара быть не можетъ. Что же
делать мѣрѣ дѣлать Россіи? Нѣтъ,
меньше, ежели нужно умереть, то
урѣмъ вѣмѣ!»—Тутъ Отецъ обнялъ
Ростовцева и обронилъ: «Этой
минуты, проходилъ Оль—Я никог-
да не забуду!»—Ваше Высочество,
всикли награда оскорбить мой по-
ступокъ изъ собственныхъ глазъ мо-
ихъ!—«Награда твой!—Моя дружи-
ба. Право!—Онъ обнялъ Ростов-
цева и удалился».

Возратившись домой, Ростовцовъ
написалъ посланіе своей разговорѣ съ
Николаемъ Коновницкимъ, снялъ коню
съ своего письма въ нему отпра-
вили къ графу Коновницкому съ
этими двумя документами, въ надеж-
дѣи ихъ тамъ Рильскому и другимъ
заговорщикамъ. Они не хотѣли ничего
скрывать отъ нихъ.

Господа, сказали они, обраща-
ясь къ имѣнамъ: позвольте вами дѣлать
свѣдѣнія: откажусь отъ ванихъ пла-
новъ. Они ни для кого не тайна. Знаете, что Великий Князь Николай
обо всикли извѣщенъ.

Заговорщики бросились на Ростов-
цева, но графъ Коновницкий заспо-
нилъ его своею грудью. Упреки въ
угрозы грядущіе посыпались на Ростов-
цева и его друга.

Клянусь вамъ честью, продолж-
жалъ Ростовцовъ: Коновницкій не
участвовалъ въ томъ, что произошло
между Великимъ Княземъ Николаемъ
и мною. И скажу то, что долженъ
быть сдѣланъ каждый честный граж-
данинъ. И я на него не доносилъ,
но я предупредилъ Императора, чтобы
Онъ принялъ свои мѣры. Въ этомъ
нашѣ, прибавилъ Ростовцовъ, обращаясь
къ Коновницкому, мы найдены
свои и мое оправданіе.

Съ этими словами Ростовцовъ остав-
илъ склонъ заговорщиковъ. Онъ былъ
бѣлью убитъ, если бы графъ
Коновницкий не удергалъ руки Ко-
ховскаго, уже обнаженнаго книжкой.

Бумаги, врученныя Ростовцову,
были найдены вноскѣст-
вия между бумагами дѣкаристовъ.
Затѣмъ бунтъ въ Петербургѣ, они
зывали по имѣнамъ Ростовцева отъ Иль-
инича и князя Оболенского, часто
декуриономъ при дворѣ, что Нико-
лаи Павловичъ готовится ко всему,
но они не знали, что наканунѣ 14-го
декабря Пистель былъ арестованъ,
и что съверному обществу 14 декабря
уже было вѣдомо, что наканунѣ
надѣжь на южное. Н. Ч.

ТЕЛЕГРАММЫ.
(Отъ «Российской Телеграфной
Агентства»).

Петербургъ, 15 июля, понедѣльникъ.
Опубликованы слѣдующіе Вы-
сочайшіе приказы: 1) Управляющій
морскимъ министерствомъ генераль-
адмиралъ адмиралъ Н. М. Чихачевъ
всемилостивѣйше увольняетъ
изъ настоной должности съ оставленіемъ
членомъ Государственного Собрания
и въ званіи генерала адъютанта. 2) Предсѣдатель морскаго техническаго

МЕТЕОРЪ.

РОМАНЪ.

Часть вторая.

Два черезъ три на балконѣ, вы-
ходившемъ изъ столовой флигеля Его-
ро Ильи, часы въ пять пополу-
тии, сѣяли онъ съ Дарьей Андреев-
ной предъ круглымъ столомъ, на ко-
торомъ книжка самоваръ.

Старые очень любили пить чай
тотчасъ же поспѣхъ, и притомъ
мимоѣмъ зажигали между ними всегда
промежокъ задушевнаго бесѣды.
Сонце лежимъ пѣло еще по лѣтнему,
но къ вечеру уже начинать потягивать
сѣйчай вѣтерокъ, а въ тѣнѣ бы-
ло съсобѣ прохладно. Августъ под-
ходилъ къ концу со своимъ недоли-
ми, быстрыми темными сумер-
ками и вспышкоюми зарницыми.

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:
что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!

— Это вѣрно! правда вѣща, Егоръ
Ильичъ,—говорила экономка, разли-
вавъ чай и продолжая пачкать раз-
говоръ. Только все неждѣмы миѣ:

что бы такое могло произойти у
нихъ?

Егоръ Ильичъ сумрачно посмотрѣ-
лъ на нее.

— Эхъ, вы старушка Бжжі! по-
смотрѣю и на васъ, словно на новорож-
денныхъ младенцевъ!—воскликнулъ
онъ почти съѣрѣю.

Разумъ то вѣдь въ языке!</

